

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ В 1917–1920-Х ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ XX ВЕКА

Наземцева Е. Н.

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

E-mail: elenanazz@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.8

Для цитирования: Наземцева Е. Н. Миграционный кризис на российско-китайской границе в 1917–1920 гг.: региональный аспект глобальных миграционных процессов XX века // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 96–112. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.8

Аннотация. В публикации проанализированы причины и особенности миграционного кризиса на российско-китайской границе в 1917–1922 гг. Данный кризис был вызван революцией и Гражданской войной в России. Огромная масса бывших подданных Российской империи, несогласных с новым строем, вынуждена была покинуть родину и в начале 1920-х гг. сформировала на территории Китая одну из самых крупных эмигрантских диаспор в мире. Основная часть остатков Белой армии и гражданского населения пересекла русско-китайскую границу на Дальнем Востоке, образовав в китайском приграничье лагеря русских беженцев. Значительное количество русских перешло границу на западе Китая – в районе провинции Синьцзян, где также возникли несколько лагерей беженцев. Состав русских беженцев вызвал серьезные опасения как центральных, так и приграничных властей Китая: основную часть беженцев представляли хорошо вооруженные опытные военные, прошедшие не только русскую Гражданскую, но и Первую мировую войны и отказывающиеся сдавать оружие, не желавшие никому подчиняться казаки и их атаманы, крестьяне и торговцы из приграничных областей, нуждавшиеся в помощи. Небольшую часть ушедших в Китай русских составляли дворяне и интеллигенция, обосновавшиеся преимущественно в Харбине и Шанхае. Особенность миграционной ситуации на Дальнем Востоке, а также на российско-китайской границе в Центральной Азии заключалась не только в огромной численности прибывших в Китай русских, но и в том, что в самом Китае уже несколько лет развивался тяжелый внутрисполитический кризис. Китайские власти были не в силах контролировать обстановку в стране, а русские беженцы усугубили ситуацию. Кроме того, китайские власти не хотели обострять отношения с Советской Россией, которая неоднократно угрожала ввести войска для ликвидации остатков Белой армии, обосновавшихся в китайском приграничье. Это могло серьезно обострить политическую ситуацию и на Дальнем Востоке, и в Центральной Азии. Поэтому китайские власти активно принимали меры для регулирования потока русских беженцев и предотвращения возможного кризиса: перекрывали на некоторых участках границу с Россией, выдворяли беженцев обратно, не выдавали разрешения на пересечение границы и т. д.

Ключевые слова: Россия, Китай, граница, революция, Гражданская война, миграционный кризис, беженцы, лагерь беженцев, консульства.

Введение

Миграция населения – одна из важнейших проблем современного мирового развития. Этот процесс затрагивает социально-экономическую, общественно-политическую, нравственно-психологическую, религиозно-духовную стороны жизни народов и государств. Различные категории мигрирующего населения сегодня – бе-

женцы, переселенцы, репатрианты и эмигранты – являются постоянным объектом обсуждения государственных, общественно-политических структур и научных кругов. Активизация миграционных процессов, как правило, связана с политическими причинами: внутривнутриполитическим кризисом в государстве, сменой политических режимов, борьбой политических групп, гражданскими войнами, агрессивной идеологией и пропагандой находящихся у власти политических элит, репрессиями в отношении одной или нескольких социальных групп населения и т.д. На втором месте по значимости стоят экономические причины: финансовые кризисы, смена экономической политики, связанные с ними ухудшение социальной обстановки, положения населения и т.д. Важной причиной также могут стать и природные факторы: землетрясения, наводнения, пожары и др.

Русский исход после революции 1917 г. и последующей за ней Гражданской войны является одним из первых глобальных миграционных кризисов XX в., вызванных сменой государственного строя. В 1917 – начале 1920-х гг. бывшую Российскую империю покинули по разным данным от двух до четырех млн человек. Исход из России миллионов русских впервые в истории поставил перед мировым сообществом массу новых задач при решении проблем беженцев: определение их правового статуса, выделение нуждающимся русским беженцам и эмигрантам хотя бы минимальной финансовой помощи, оказание им моральной поддержки и т. д.

Главными задачами, требующими безотлагательного решения на первом этапе формирования русского эмигрантского сообщества для международных организаций и государств, в которых оказались русские, были регулирование потоков беженцев, организация беженских лагерей и контроль политической ситуации на границах, через которые следуют потоки русских беженцев.

Безусловно, основное внимание международной общественности было приковано к европейскому театру русской Гражданской войны и исходу остатков Белой армии из Крыма. Однако важным и по масштабности, и по международно-политическим последствиям было и другое направление – восточное – исход русских на восток из Урала, Сибири и Дальнего Востока, так как этот процесс растянулся по всей российско-китайской границе. Учитывая ее протяженность, а также то, что русские, покидая Родину, раздираемую Гражданской войной, оказались в Китае, который уже давно погрузился в водоворот тяжелейшего внутривнутриполитического кризиса, окончание которого в начале 1920-х гг. было еще весьма далеким, ситуация на Дальнем Востоке и в Центральной Азии оказалась еще более сложной, чем в Европе. Определенное влияние оказывали цивилизационные различия местного населения и прибывающих русских, особенно в отдаленных от центра районах Китая. Важным фактором, оказывающим влияние на ситуацию в регионе, было и присутствие здесь интересов великих держав: Японии, США, Англии, а также Советской России. Кроме того, миграционный кризис мог серьезно обострить ситуацию в не успевшей еще успокоиться после восстания 1916 г. Центральной Азии.

Особую роль в описываемый период играли русские консульства в Китае. В 1918–1920 гг. они официально подчинялись сначала российскому Временному правительству, а затем Омскому правительству во главе с Колчаком А. В. Российские консулы пытались контролировать поток русских беженцев и решать вопросы, связанные с оказанием им необходимой помощи. Однако на это не хватало средств, так как финансирование из России не осуществлялось, и консулы вынуждены были использовать для этих целей имеющиеся у них финансы, оставшиеся с дореволюционного

времени. Более того, Омское правительство неоднократно пыталось использовать консульские средства для организации борьбы с большевиками, что вызывало недовольство консулов. Особенно это проявлялось в Синьцзяне.

Миграционные процессы в данном регионе сегодня также довольно значительны и оказывают серьезное влияние на международно-политическую и международно-экономическую ситуацию. В связи с этим изучение миграционного кризиса на российско-китайской границе, развернувшегося в начале XX в., сегодня особенно актуально.

Обзор литературы

Материалами для подготовки данной статьи послужили актуальная научная литература по истории Гражданской войны в России и русской эмиграции в Китае: труды Аблажей Н. Н., Абловой Н. Е., Бармина В. А., Ганина А. В., Говердовской Л. Ф., Залесской О. В., Подалко П. Э., Сабенниковой И. В., посвященные истории русской эмиграции в Китае и Японии, миграционным процессам на Востоке [Аблажей, 2007; Аблова, 1998; Аурилене, 2008; Бармин, 2006; Ганин, 2004; Говердовская, 2004].

Однако следует отметить, что, поскольку в литературе события 1918–1922 гг., развернувшиеся на Дальнем Востоке, достаточно подробно описаны, более пристальное внимание в статье уделено ситуации, сложившейся на западных границах Китая.

Кроме того, для характеристики международной политики в области определения правового статуса русских беженцев важна была литература по международному праву [Гудвин-Гилл, 1997; Потапов, 1986; Сабенникова, 2007 и др.].

Методы исследования и источники информации

При подготовке статьи использовались метод периодизации, историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический методы.

Историко-системный метод позволил представить совокупность действий и советских, и китайских властей в отношении русских военных и гражданских беженцев на завершающем этапе Гражданской войны. Историко-сравнительный метод помог сопоставить и сравнить положение русских беженцев в ряде приграничных провинций Китая, выделить его особенности. Историко-генетический метод дал возможность реконструировать эволюцию миграционного кризиса на российско-китайской границе на фоне меняющейся политической ситуации, показать его особенности в отдельные периоды. Метод периодизации позволил выделить этапы миграционного процесса и связанного с ним кризиса.

Источниками исследования стали неопубликованные архивные документы из Архива внешней политики российской империи (далее – АВП ИИ), Архива внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ России), Российского государственного военного архива (далее – РГВА), Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), а также Государственного архива Новосибирской области (далее – ГАО).

Важную роль при характеристике личностного отношения к описываемым событиям сыграли и мемуары непосредственных участников событий: Еловского И., Казакова В. Г., Камского, Понькина Ю. [Еловский, 1921; Казаков, 1936; Камский, 1923; Понькин, 1997].

Результаты

Первый шаг в урегулировании проблем беженцев был сделан Советом Лиги Наций, который в июне 1921 г. принял решение о созыве конференции по этому вопросу [Потапов, 1997]. На протяжении 1920-х – 1930-х гг. было проведено несколько конференций, посвященных проблемам русских беженцев. Впервые было дано определение понятия «беженец» [Гудвин-Гилл, 1997].

Однако, несмотря на проводившиеся конференции и принятые в результате меры, полностью проблему беженцев в 1920-е гг. решить не удалось.

На российско-китайской границе в 1920 г. миграционный кризис оказался наиболее масштабным в силу ряда причин. Во-первых, внутривосточная обстановка в Китае была не менее сложной чем в России, так как страну также раздирала гражданская война. Во-вторых, экономическое положение Китая после революции и кризисов начала XX в. было катастрофическим. В-третьих, Китай, в котором в начале 1920-х гг. оказалось около 400 тыс. русских, находился на втором месте по численности русских беженцев после достаточно развитой в экономическом и политическом плане, несмотря на также разразившийся здесь серьезный послевоенный кризис, Германии, где в начале 1920-х гг. нашли приют около 600 тыс. русских. В-четвертых, исход русских в Китай представлял собой не разовую эвакуацию, а несколько волн эмиграции с 1918 г. по 1922 г., а также в более поздний период – в конце 1920-х – начале 1930-х гг. – не затрагивающийся в данной публикации.

Разумеется, положение беженцев непосредственно зависело от руководства тех государств, в которых они оказались, и постоянно менялось из-за изменения политической ситуации [Сабенникова, 2007].

Это касалось и Китая. Первые потоки русских беженцев направились сюда еще в 1918 г. [Аблова, 1998]. Так, по сообщениям российского консула в Цицикаре, весной 1918 г. начался массовый отъезд населения из г. Благовещенска. Уезжающие направлялись по почтовому тракту Айгунь – Цицикар в г. Харбин. По данным самих беженцев, обратившихся за помощью в российское консульство, численность намеревающихся выехать в Китай русских была значительной – около 5 тыс. человек. По мнению же консульства, «даже если эта цифра и является преувеличенной, то все же можно ожидать значительного наплыва беженцев»¹. Некоторые из уже прибывших, не имея средств к существованию, обращались в консульство с ходатайством о выдаче им денег на проезд до станции Цицикар. Однако у консульства уже тогда не было возможности оказать помощь всем нуждающимся, так как, во-первых, их было много, во-вторых, курс рубля был низким и отпущенных консульству еще в 1914 г. денег могло хватить лишь на несколько дней. В связи с этим консул просил российскую миссию в Пекине о помощи и выделении необходимых средств, но получил отказ.

Китайские власти не были в восторге от прибывающих в страну русских беженцев и на местном уровне реагировали довольно жестко. По данным российского вице-консула в Айгуни, к осени 1918 г. ситуация осложнилась, и бывшие русские подданные начали обращаться в консульство с жалобами на китайских солдат, которые переходящих с русской стороны людей выгоняли обратно и пропускали их лишь после получения взятки. Бывали случаи, когда китайские солдаты не принимали выданные русским вице-консульством удостоверения на право проживания в Хэйхэском районе Китая, даже несмотря на их визирование хэйхэским даоинем. Они называли такие удостоверения «хунхузскими», а когда русские заявляли протесты, то китайские

¹ АВП РИ. Ф. 304. Оп. 757/2. Д. 184. Л. 2.

солдаты называли «хунхузом»² даже самого русского вице-консула. Последний неоднократно просил губернатора провинции Хэйлунцзян решить возникшую проблему, так как подобные случаи нарушали «добрососедские отношения между русским и китайским населением, установленный порядок в отношении переходящих границу русских подданных»³. Однако обращения оказывались безрезультатными.

На западных рубежах российско-китайской границы ситуация была не менее сложная. Первые потоки русских беженцев начали направляться из Семиречья в провинцию Синьцзян также в 1918 г. В этот период беженцы были представлены в основном гражданскими людьми: крестьянами, торговцами. Однако власти провинции закрыли границу. Как и на Дальнем Востоке, российские консулы, находившиеся в Синьцзяне, пытались решать вопросы, связанные с пропуском русских в провинцию и оказанием им необходимой помощи. Они постоянно обращались непосредственно к губернатору. Так, управляющий российским консульством в Кашгаре Успенский А. просил губернатора Синьцзяна: «Дабы в будущем устранить всякие даже самые незначительные пограничные недоразумения я прошу Ваше Превосходительство разрешить кашгарскому даоиню и заведующему дипломатическими делами пропускать в Кашгар тех людей, за коих консульство может поручиться. [...] Я надеюсь, что Ваше Превосходительство, внимательно ознакомившись с моим сообщением, отменит Ваше распоряжение о полном закрытии границы и последующем уведомит меня через господина Кашгарского Даоиня»⁴. Но китайские власти не шли на встречу.

Кроме того, уже в 1918 г. в Семиречье была создана Особая комиссия по оказанию помощи беженцам, избранная 4-м кругом Семиреченского казачьего войска. Для оказания помощи российским консульством в Кульдже комиссии было выделено 207 тыс. рублей⁵. На семью отпускалось около 350 рублей⁶.

Из-за закрытия границы руководством провинции лагеря беженцев из России образовывались в непосредственной близости от нее. Например, в Илийском округе Синьцзяна в 1919 г. у самой границы образовался Сюмбинский лагерь беженцев. (Село Сюме сейчас расположено на территории Алматинской области Республики Казахстан – Е. Н.). Несмотря на небольшую численность находившихся в лагере беженцев – 36 человек, положение в нем было тяжелым⁷.

Для оказания помощи российским консульством в Кульдже в ноябре 1919 г. в Сюмбинский лагерь были командированы исполняющий обязанности драгомана консульства Шебалин П. В. и состоявший в распоряжении российского консула прапорщик Лебедев, которые представили подробный отчет, характеризующий положение беженцев в лагере. Согласно этому отчету, беженцы жили в землянках, расположенных в широком и пологом устье ущелья в урочище Малый Караганды. Избушки были разбросаны по обоим сторонам ручья. Тип построек представлял собой три стены вырытых в горе, четвертая была выложена землей, сверху – одна-две толстых балки, на которые положены жерди; все это покрыто хворостом и землей. В каждой землянке была выложена русская печь, сделаны деревянные нары или земляное возвышение.

² Хунхузы (кит. trad. 紅鬃子) – разбойники из китайских ссыльных и беглых солдат в пограничной с Южно-Уссурийским краем местности (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Павленков Ф. Ф., 1911. 368 с.)

³ АВП РИ. Ф. 304. Оп. 757/2. Д. 184. Л. 222.

⁴ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 87.

⁵ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1580. Л. 1.

⁶ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1580. Л. 6.

⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 174.

В избушках были вставлены рамы или одно стекло, иногда окно было затянато материей или бумагой. Благодаря близости леса, дров не жалели и в землянках было тепло. Однако жилища были маленькими, скудно освещенными, «с громадным количеством мышей», которые уничтожали запасы продовольствия⁸.

Сложно обстояли дела с одеждой: не хватало теплых вещей, многие, в том числе, дети, были разуты. Пища была скудной. Чтобы сгладить ситуацию, в сентябре 1919 г. консульство направило в лагерь хлеб. Кроме того, в ноябре от консульства в лагерь было направлено еще 795 пудов муки⁹. Она была роздана по следующей норме: на взрослого 1 ½ фунт муки на день; ребенка 5 лет – 1 фунт; 4–3 лет – ½ фунта; 2–1 года – ¼ фунта. На ребенка до года муки не полагалось, но зато кормящей матери выдавалось по ¼ фунта на день «ввиду необходимости для нее усиленного питания». Всего муки было роздано 704 пуда 37 ½ фунтов. Остаток сдан на руки атаману, для выдачи из этой муки пайков в особых случаях¹⁰. Беженцам также были розданы вещи, пожертвованные ранее для фронта: шубы, детские сапоги и шапки, а также печи, топоры и подпилки, один топор приходился приблизительно на 6–8 семейств, а подпилки – на 3–4 семьи. В целом, по мнению командированных, «состояние беженцев в настоящем вполне удовлетворительное и теперь смело можно считать их обеспеченными до самой весны»¹¹.

Таким образом, уже в 1918–1919 гг. сотрудники российских консульств, расположенных в китайских провинциях, находящихся в непосредственной близости от русской границы, предпринимали все возможные меры для решения проблем первых потоков русских беженцев по обе стороны границы, как на Дальнем Востоке, так и в Центральной Азии.

Весной 1920 г. положение ухудшилось, и в Китай хлынули новые, более многочисленные, потоки русских беженцев, к которым присоединились военные. На северо-восток Китая направились остатки белых армий, действовавших в Сибири.

Ситуация осложнялась параллельными попытками продолжить борьбу. Так, с декабря 1920 г. по январь 1921 г. происходила переброска через КВЖД частей белой Дальневосточной армии из Забайкалья в Приморье. Усугубляло положение на Дальнем Востоке и вмешательство европейских государств, не оставлявших надежды на победу над большевиками. В частности, в 1921 г. Франция стремилась создать в Приморье базу для нового наступления¹². Но не все хотели продолжать борьбу. Одновременно с переброской частей в полосу отчуждения КВЖД рассеялось, по данным Аблажей Н. Н., около 5 тыс. человек [Аблажей, 2007]. В результате целые подразделения остатков Дальневосточной армии остались в Харбине. По данным Смирнова С. В., иногда сами командиры частей стремились убрать из своих подразделений непригодный для продолжения антибольшевистской борьбы «материал» и побуждали тех, у кого были родственники в полосе отчуждения, оставить военную службу.

В начале февраля 1920 г. в Харбине был даже организован «Комитет по разработке вопросов об устройстве, службе и довольствии офицеров, прибывших в полосу отчуждения из мест, захваченных большевиками». Его возглавил генерал Плешков. Но комитет не обладал необходимыми средствами. Большинство беженцев первые

⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 175.

⁹ 1 пуд = 16, 380 кг; 1 русский фунт = 0,409 кг.

¹⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 175.

¹¹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 176.

¹² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 668. Л. 46.

месяцы пребывания в Харбине жили в железнодорожных вагонах, размещавшихся на запасных путях Харбинского вокзала [Смирнов, 2019].

К уже ушедшим в Китай в 1920 г. остаткам Белых армий в конце 1920 – начале 1921 гг. присоединились забайкальские казаки, проживавшие на российской территории вблизи границы с Китаем по берегам рек Аргунь и Онон, также уходившие на территорию Китая уже из ДВР [Аблажей, 2007].

Такие масштабные миграционные процессы на русско-китайской границе в 1920 – начале 1921 гг., осложненные продолжавшимися боевыми действиями, вызывали закономерные опасения китайского руководства. Руководство Китайской Республики предприняло новые меры для регулирования потока русских беженцев и контроля прибывающих в страну военных. В 1920 г. для въезжающих в Китай русских китайские власти ввели обязательное визирование паспортов. Въезд в некоторые приграничные районы был запрещен. Так, с начала мая 1920 г. русские, направлявшиеся в Айгуньский район, были обязаны представить свои паспорта, визированные для въезда в пределы Китая китайским генеральным консульством в Благовещенске. С 15 мая 1920 г. въезд русских в Айгунь был запрещен. Русские пассажиры, прибывающие из Харбина на пароходах, не допускались на китайский берег и должны были или отправляться в Россию, или возвратиться в Харбин [Залесская, 2002].

Аналогичное положение сложилось в Хэйхе: лица, проживающие здесь без паспортов, арестовывались и препровождались в Российское вице-консульство в Айгуне. Все русские граждане, как постоянно проживающие в Хэйхэ, так и беженцы, по требованию местных китайских властей должны были получить в российском вице-консульстве в Айгуне удостоверения на право проживания в Хэйхэском округе и представить эти удостоверения в управление хэйхэского даоиня.

Опасаясь, что многочисленные группы русских беженцев, прибывающих в Китай и имеющих оружие, будут представлять опасность, тем из них, которые не имели документов, а таких было большинство, был закрыт доступ в Харбин и на станции КВЖД. При переходе границы все белогвардейские части разоружались и интернировались, при этом многие белые офицеры поступали на службу в штабы китайских войск¹³.

Беженские и воинские эшелоны, следовавшие по Китайской Восточной железной дороге (КВЖД), тщательно обыскивались и осматривались китайскими патрулями, «отбирались все военные предметы, не говоря уже об оружии». Беженцы ютились в товарных вагонах, примерзали к их стенам, так как большинство из них не имело теплой одежды, «дымом и собственным дыханием нагревали вагоны». Заведующий беженскими эшелонами Казаков В. Г. неоднократно обращался с просьбой к российскому министру путей сообщения о снабжении беженских эшелонов топливом, но получал отказы. Однако ему все же удалось добиться специального распоряжения о снабжении беженских эшелонов углем и дровами. Приходилось заботиться и об обеспечении беженцев питанием, иногда прибегали и к «реквизициям», в то же время «заметную помощь» беженскому эшелону оказывало, японское командование, которое проявляло в этом отношении «много внимания» [Казаков, 1936].

30 октября 1920 г. Госсовет и Министерство внутренних дел Китая издали «Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан». В соответствии с ними российские подданные перешли под юрисдикцию управления по иностранным делам, им гарантировалось проживание в местах, открытых

¹³ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 544. Л. 21-об.

для иностранцев, право заниматься хозяйственной деятельностью, личная и имущественная защита. Правила ограничивали свободу передвижения по стране. Россияне должны были получить санкцию на поездки в качестве охранного листа полиции или местного комиссара по иностранным делам. Всего же в Маньчжурии на 1921 г. насчитывалось 69,9 тыс. русских [Аблажей, 2007].

Оказавшись в Китае, остатки Белых сибирских армий и правительств во главе с бывшим послом Российской империи в Пекине Коростовцом И. Я., епископом Иннокентием, генералом Хорватом Д. Л. не прекратили борьбы и в начале 1922 г. создали так называемый «Восточный национальный Русский Центр», который обладал серьезными финансовыми средствами и координировал все действия белых сил в Китае и Монголии и планировал новое наступление на советскую территорию весной 1922 г.¹⁴ Это вызвало опасение китайских властей и недовольство советского руководства, которое заявило протест Пекинскому правительству и потребовало «немедленного прекращения свободного передвижения частей противника по киттерритории» и их деятельности¹⁵.

Борьба в Приморье на завершающем этапе Гражданской войны и новые попытки организовать сопротивление большевикам в 1921–1922 гг. не принесла Белым правительствам и поддерживающим их военным силам победы. В конце 1922 г. новая волна русских беженцев с присоединившимися к ним военными, общей численностью около 20 тыс. человек, снова направилась в Китай и постепенно смешивалась с теми, кто уже оказался здесь в ходе предыдущих волн 1918–1920 гг. Основная часть беженцев перешла китайскую границу в ноябре 1922 г. и первое время находилась в районе Хунчуна в Маньчжурии [Смирнов, 2020].

В Хунчуне по приказу последнего командующего дальневосточными силами белых, генерала Дитерихса М. К. воинские части были переименованы в беженские группы: Приволжская, Прикамская, железнодорожная, артиллерийская, Московская, Оренбургско-Уральская, Сибирско-Енисейская, Забайкальская, Сибирская. Также в состав лагеря входили санитарная часть, управление и комендатура. Однако Хунчунский лагерь не был приспособлен для проживания большого количества людей, и в декабре 1922 г. все они были переведены в район города Гирина (Цзилинь). Здесь сформировались четыре беженских лагеря: Западный, Восточный, Северный и Южный, просуществовавшие до осени 1923 г. Общая численность русских беженцев в Гириных лагерях, по данным Смирнова С. В., насчитывала до 10 тыс. человек. Те, кто не желали оставаться в Гирином лагере, самостоятельно уходили в Чанчунь, Мукден и даже в Харбин. Но в Харбине китайские власти арестовывали русских и выдворяли из города под конвоем [Смирнов, 2019]. Следует отметить, что точная численность находившихся в этих лагерях русских беженцев до сих пор вызывает вопросы.

Пребывание в лагерях было очень тяжелым. Беженцы не обладали материальными ресурсами, не могли устроиться на работу, депрессия и безысходность приводили к распространению пробольшевистских настроений, пьянству, дебошам. Многие возвращались в Россию. Санитарную помощь оказывало Особое совещание Красного Креста. Его представители работали в Харбине и на линии КВЖД. В Чанчуне даже находился санитарный поезд, который распределял хлебные пайки, горячую пищу, белье, обувь; оказывал медицинскую помощь. Лагерь просуществовали до 1923 г. За-

¹⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 668. Л. 50.

¹⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 668. Л. 32.

тем китайские власти прекратили продовольственную помощь и начали перемещать беженцев в другие города и районы страны [Смирнов, 2019].

Решить проблему русских беженцев на северо-востоке Китая пытались и японские власти. Например, находившихся в Чанчуне около 25 тыс. беженцев японские власти с 20 октября 1923 г. начали регистрировать и отправлять в Россию. Этому активно содействовал консул Японии в Чанчуне, который старался увеличить число отъезжающих обратно в Россию «или вообще куда угодно, лишь бы выбрались из Чанчуня»¹⁶. При этом японские власти были против направления беженцев в Японию. Чтобы воспрепятствовать этому, 20 февраля 1920 г. они ввели так называемую «систему предъявления денег». Согласно ее правилам, в Японию допускались лишь те иностранцы, которые могли подтвердить наличие у себя валюты на сумму не менее чем 1500 иен (около 700 долларов) [Подалко, 2004].

К 1923 г. на северо-востоке Китая сформировалась огромная по своей численности колония русских. По данным исследователя Ципкина Ю. Н., опиравшегося на сведения анкетных данных карточек беженцев, зарегистрированных в Харбинском комитете помощи русским беженцам, среди эмигрантов, оказавшихся в Харбине в 1918–1923 гг. основную массу составляли крестьяне (40,6%), мещане (24,7%), казаки (15%), рабочие (7,1%), дворяне составили всего 2,4%, еще 2,5% – лица купеческого и духовного сословий [Ципкин, 1994; Аурилене, 2008]. По некоторым данным, всего в полосе отчуждения в первой половине 1920-х гг. оказалось около 400 тыс. человек.

На северо-западе Китая – в Синьцзяне – ситуация также была непростой. Значительные военные части остатков Белой армии, отступавшие в сторону Китая, не могли свободно перейти закрытую властями провинции границу. На некоторых ее участках беженцев и военных встречали отряды красноармейцев, которые по требованию китайской стороны не пропускали их на территорию провинции¹⁷.

На начало 1920 г. отступавших было около 15,5 тыс. человек военных и более тысячи гражданских беженцев. Командующий Оренбургской армией генерал-лейтенант Дутов А. И., обращался в Пекин к российскому Посланнику в Китае князю Кудашеву Н. А.: «Нужна срочная помощь войскам и населению деньгами через Пекин Русско-Азиатский банк в Чугучаке. Нужна дипломатическая помощь через Пекин – разрешение отправить беженцев через Китай или в Китай, а больных и раненных приютить за границей в Китае. Нужна помощь золотом, серебром, романовскими, иначе верный оплот России в Семиречье будет осужден на смерть и лишения. Оренбургская армия, сделав 1500 верст по голодной степи и совершив исторический поход, надеется на помощь Правительства». Однако ответ Кудашева лишил отступавших последней надежды: «Правительство фактически перестало существовать, так что некому передавать телеграмму [...] Китайское Правительство обещало поручить вниманию властей беженцев, но [я] принужден держать нейтралитет в нашей междоусобной войне, помощь и защита будут оказаны лишь по мере возможности, дабы не навлечь гнева большевиков»¹⁸.

Проблемы с беженцами пытался решить и командующий Отдельной Семиреченской армией генерал-майор Анненков Б. В.: «Большое количество беженцев из мест, занятых красными, прибыло в район военных действий отдельной Семиреченской армии. Их присутствие крайне стесняет наши действия. Прошу спешного

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 541. Л. 10.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 73.

¹⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 66.

оказания [помощи] китайскими властями [и] принятии наших беженцев под свое покровительство»¹⁹.

Бывшие российские консулы также постоянно направляли телеграммы в Пекин с просьбой решить проблему с пропуском беженцев, скопившихся на границе России и Китая в районе Синьцзяна. Они выступали за то, чтобы «для сохранения спокойствия на границе» разрешить беженцам проследовать по дороге на столицу провинции – г. Урумчи, так как «удерживать долго беженцев невозможно»²⁰. Однако на свои просьбы консулы получили отказ китайских властей. Тогда они предложили разместить беженцев в русских приграничных районах. По мнению консула в Чугучаке Долбежева В. В., в сложившейся ситуации «самовольный переход беженцами границы при нейтралитете китайцев является для беженцев очень небезопасным, так как за самовольный переход китайцы могут выдворить беженцев хотя бы в Зайсанский уезд, в районы расположения большевиков. Остановка беженцев в приграничных русских районах около Бахтов (Так в тексте – Е. Н.) ослабит панику, между тем, как самовольный побег беженцев через границу сильно увеличит панику, которая неблагоприятно отразится и на прочих неустойчивых элементах населения»²¹.

Весной 1920 г. ситуацию на границе контролировать уже не представлялось возможным. В Синьцзян хлынули все скопившиеся здесь остатки Оренбургской и Семиреченской армий вместе с гражданскими беженцами. Общее количество солдат, казаков, офицеров и других беженцев составляло около 15 тыс. человек, из которых более 10 тыс. не имело никаких средств. Местные китайские власти обращались в теперь уже бывшие российские консульства, продолжавшие, несмотря на крушение государства, исполнять свои функции, с просьбой выдать беженцам продовольствие. Однако консульства к этому времени достаточных средств уже не имели²².

Следует отметить, что на территории провинции к тому времени находились беженцы из Российской империи, бежавшие сюда после восстания 1916 г. в Средней Азии. Численность их была весьма значительной: только в приграничном с Россией Илийском округе Синьцзяна их насчитывалось около 100 тыс. человек [Аблажей, Наземцева, 2020].

Положение было критическим. Переходившие границу гражданские и военные беженцы оказались на грани голодной смерти. В первые месяцы нахождения на территории провинции доходило до продажи русскими беженцами своих родственников – несовершеннолетних девушек, молодых женщин, даже детей – местному населению²³.

Все это создавало взрывоопасную ситуацию в провинции и в регионе в целом. Китайские власти медлили с решением беженской проблемы, опасаясь реакции советских властей и осложнения внутривосточного положения в провинции, и только в первых числах мая 1920 г. разрешили направлять беженцев небольшими партиями в города провинции Чугучак, Урумчи и Кульджу²⁴.

Как уже отмечалось выше, вместе с гражданскими беженцами на территорию провинции перешли и военные: остатки Семиреченской и Оренбургской армий под командованием Анненкова Б. В., Дутова А. И., Бакича А. С., Щербакова Н. П., а так-

¹⁹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 209.

²⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 221.

²¹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 194.

²² АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 377.

²³ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 288.

²⁴ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 419.

же отдельные отряды Кайгородова А. П., Шишкина Д. Я., Сидорова П. И. и др., действовавшие в районе русско-китайской границы на ее синьцзянском участке [Ганин, 2004; Наземцева, 2010; Смирнов, 2019].

Как и на северо-востоке Китая, все военные, перешедшие в Синьцзян, были интернированы. На территории провинции в 1920–1922 гг. образовалось несколько лагерей гражданских беженцев и лагерей для интернированных военных.

Весной 1920 г. остатки отряда во главе с атаманом Дутовым А. И. расположились на р. Боротале и простояли здесь около месяца. Вскоре из Советской России было получено предложение об амнистии всех белых, находящихся на территории Китайского Туркестана. В связи с этим Дутов А. И. издал приказ по отряду: «Кто желает возвратиться на Родину, препятствий с моей стороны не будет ... Кто слаб духом, устал физически и духовно, тот может записаться в список для возвращения на Родину...»²⁵. Решение вернуться приняли 240 человек. После этого, оставив лагерь на р. Боротале, отряд атамана Дутова А. И. направился в г. Суйдун. Через некоторое время к нему присоединились 500 человек аннековцев под командой войскового старшины Завершинского Н. Е. и некоторые другие мелкие группы. Часть их, вместе с самим Дутовым А. И., была расквартирована в Суйдуно, другие – в двух китайских поселениях по близости – Мазаре и Чимпаньцзы (Чингихоцзи – Е.Н.) к северо-западу от г. Кульджа. Небольшая часть оренбургских казаков обосновалась в самой Кульдже.

В Суйдуно осталось около 400 человек казаков. Они были размещены в двух местах: в консульской казарме и в одном из туземных караван-сараяев, у южных городских ворот. Сам Дутов А. И. так описывал положение: «Конечно, от казарм остались только стены. Все остальное отсутствует, но мы собственными силами потихоньку их ремонтируем, хотя часть помещается прямо во дворе». Сам он занимал комнатку без окон, готовил себе обед, состоявший из рисового супа с бараниной и лапшой, и даже считал себя буржуем: «ибо со мною самовар, и его воркотня напоминает мне Родину»²⁶.

На человека отпускалось 1½ фунта муки в день, уголь для отопления, два снопа клевера и 4 джина ячменя на лошадь. Для надзора, охраны порядка и поддержания дисциплины среди интернированных казаков были поставлены 100 человек китайских солдат, размещенных в тех же помещениях, где и казаки. Незначительные размеры самой казармы, а также офицерского флигеля, где было размещено свыше 250 человек, вызвали чрезмерную скученность, что усугублялось еще и тем, что в общей массе оказались больные, раненые, жены казаков. Для разрежения массы, облегчения и улучшения положения больных и женатых было решено выделить эту категорию и поместить ее отдельно²⁷.

В лагере сохранялась дисциплина. Были организованы мастерские: кузнечная, слесарная, столярная и швальня. При казармах сделана хорошая русская баня, устроена хлебопекарня. Большая часть отряда распущена на заработки. Однако в лагере все же не хватало одежды, обуви и питания, основную часть казаки должны добывать самостоятельно²⁸.

В тяжелейшем положении оказались гражданские и военные беженцы, в лагере г. Чимпаньцзы. Пришедшие одиночками и смешанными командами, не имея ни

²⁵ ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 90.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 92.

²⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 284.

²⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 457.

средств, ни общего руководителя, они оказались в лагере, где для них китайцами был введен почти тюремный режим²⁹.

Скученность, грязь, полное обнищание, царившие в лагере, заставляли российских консулов обращать на беженцев особенное внимание. По данным управляющего российским консульством в Кульдже Стефановича Г., беженцы организованными командами прибывали в Чимпанцзы под конвоем китайцев. Внешний вид их был ужасный: все оборваны, босиком, некоторые одеты только в нижнее белье. Все беженцы были размещены в 4–5 караван-сараях, по 70–120 человек в каждом. Каждый караван-сарай охраняется двумя постами китайских солдат. За попытку побега били плетью. Денег свободных ни у кого не было. Лошадям фураж не отпускался. Санитарные условия жизни были ужасными: рваное и грязное белье кишело паразитами, обмыться можно было только на речке, в баню же сходить не позволяли средства, так как за вход брали 50 копеек – не каждый имел возможность их платить, да и воды в бане было ограниченное количество. Постелей у большинства не было, спали на голой земле. От ужасного запаха спертости воздуха, тесноты и паразитов, спать в помещениях было невозможно. Приходилось располагаться на навозе под открытым небом; присутствие же лошадей делало воздух на дворе еще более отвратительным. Были заболевшие дизентерией и холерой, но медицинская помощь отсутствовала³⁰.

Частям атамана Анненкова Б. В. при отступлении приходилось вести тяжелые бои с красноармейскими войсками. Оставив Семиречье, атаман Анненков Б. В. отступил в горы. В горах, недалеко от русско-китайской границы, на высоте около 2 500 м, отряд расположился лагерем на стоянку. Здесь анненковцы оставались около двух месяцев. Лагерь назвали «Орлиное Гнездо». Всего в лагере находились около 5 000 человек. Условия, в которых они оказались, были тяжелейшими. В лагере плохо питались, почти голодали. Затем отряд перешел китайскую границу и расположился лагерем на р. Боротале. Этот лагерь был назван «Веселым». Партизаны жили в шалашах, землянках, войлочных юртах и небольших военных палатках. Всего в отряде к этому времени числилось первоначально около 1 500 человек³¹. После ухода отряда во главе с Завершинским (см. выше – Е. Н.), численность лагеря составила 1 000 человек. В лагере также ежедневно проводились занятия и поддерживалась строгая дисциплина. Материальных ресурсов было достаточно³².

15 августа 1920 г. с разрешения генерал-губернатора Синьцзяна отряд атамана Анненкова Б. В. начал передвигаться из лагеря «Веселый» к столице провинции – г. Урумчи. Из выписки из информационного обзора советского консульства в Кульдже следует, что всего в отряде к этому времени осталось 1500 человек. Отряд деморализован не был и сохранял боеспособность. Как в пути, так и по приходе в Урумчи с солдатами постоянно велись строевые занятия³³.

В Урумчи отряд Анненкова Б. В. простоял несколько месяцев и в феврале 1921 г. начал свое дальнейшее продвижение на восток, к г. Гучен. Добравшись до Гучена, отряд сделал остановку. В апреле 1921 г. отряд начал свое дальнейшее продвижение на восток. Однако пребывание военных в провинции, а также их поведение вызывали недовольство китайских властей, пытавшихся навести порядок. В результате Аннен-

²⁹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 458.

³⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 459.

³¹ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 11. П. 140. Д. 67. Л. 24.

³² АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 457.

³³ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 11. П. 140. Д. 67. Л. 24. Л. 24.

ков был арестован в Гучене и под конвоем препровожден в Урумчи. Проведя несколько лет в китайской тюрьме, Анненков был освобожден, в марте 1926 г. поступил на службу к китайскому генералу Фын Юйсяну. В дальнейшем он был захвачен советскими агентами, вывезен в СССР и после суда в Семипалатинске 24 августа 1927 г. расстрелян [Зайка, Бобренев, 1990, 1991; Голинков, 1975; Шалагинов, 1969].

Еще один лагерь русских гражданских и военных беженцев образовался на р. Эмиль в Чугучаке. Здесь обосновались остатки Оренбургской армии под командованием генерала Бакича А. С., которые перешли границу 27 марта 1920 г. и были интернированы в составе около 12 000 человек³⁴.

Незадолго до этого, генерал Бакич А. С. начал вести переговоры через русского консула в Чугучаке Долбежева В. В. с губернатором провинции Синьцзян Ян Цзенсинем об интернировании³⁵. Более предметные переговоры об уходе в Китай начались в начале 1920 г.³⁶ В результате были выработаны следующие условия интернирования: белогвардейцы должны были сдать все оружие, за исключением 60 винтовок на отряд, китайские власти брали интернированных под свое покровительство и обязывались выдавать по полтора джина муки на человека в день, остальное довольствие должно было производиться из собственных армейских сумм³⁷.

После перехода китайской границы и организации лагеря на р. Эмиль приходилось решать задачи с питанием, одеждой. Эмигрант Еловский И., в то время находившийся в этом лагере, вспоминал: «Жизнь на новоселье первое время была тяжелой. Стала развиваться хандра, уныние и беспокойство за будущее» [Еловский, 1921]. Нехватка продовольствия, изношенное обмундирование и отсутствие необходимых для существования средств, вынуждала продавать имущество. Другой эмигрант – Камский – отмечал, что «в Чугучаке не редкость было увидеть китайца, напялившего на себя богатую дамскую шубу и боа и с наслаждением разглядывающего публику в цейсовский бинокль, или ... толстого сарта, пьющего чай из серебряной сахарницы» [Камский, 1923]. Тем не менее, приходилось налаживать новую жизнь. В лагере на р. Эмиль имелся Красный Крест, любительский театр. С потеплением начали устраивать казачьи праздники.

Во всех лагерях бушевала эпидемия тифа. В г. Чугучаке эпидемия сыпного тифа была с большим процентом смертности. Здесь было более тысячи больных тифом русских беженцев. По соглашению консульства с китайскими властями и особо уполномоченным Красного Креста, из г. Бахты в Чугучак были направлены 5 докторов, 5 фельдшеров, 5 сестер милосердия³⁸. Некоторым беженцам, несмотря на охрану, все же удавалось бежать из беженских лагерей³⁹.

На севере провинции, в Алтайском округе Синьцзяна, положение было несколько лучше. Там оказалось более 3 000 беженцев. Однако правитель округа разрешил свободное проживание в округе беженцам, за которых ручалось российское консульство; некоторым даже была оказана материальная поддержка⁴⁰.

Оставшиеся на своих местах консулы продолжали делать все возможное для

³⁴ По другим данным численность интернированных войск составляла около 16000 человек. – ГАНО. Ф. 1146. Оп.1. Д. 135. Л. 84.

³⁵ ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 67.

³⁶ ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 137. Л. 33, 33-об.

³⁷ ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 68.

³⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 297.

³⁹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 285.

⁴⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 329.

защиты прав русских граждан. Русский эмигрант Понькин Ю. в своих воспоминаниях так характеризует деятельность консула Дьякова А. А. в этот период: «В двадцатом году после провала Белого движения, возглавляемого Колчаком, остатки армий Дутова, Бакича и Анненкова отступили в Синьцзян. С этого момента началось самое трудное для Дьякова время за всю его карьеру. Оставшись консулом без государства, он все еще по инерции, пользуясь своим авторитетом, мог улаживать всевозможные проблемы, которые возникали из-за присутствия армий и множества беженцев. Его работа осложнялась еще тем, что многие армейские части не желали подчиняться никаким законам, не хотели ни с кем и ни с чем считаться и думали только о реванше» [Понькин, 1997]. Однако в большинстве же случаев синьцзянские власти игнорировали официальные обращения российских консулов и беженцев и отказывались выполнять их просьбы [Бармин, 2006].

Тяжелые условия первых месяцев эмиграции вынуждали многих беженцев уходить обратно в Россию, несмотря на угрозу жизни на Родине. Уходили в основном солдаты, младшее офицерство и гражданские беженцы. Их действительно было огромное количество. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные списки перебежчиков⁴¹.

Эмигрант Камский следующим образом характеризовал реакцию китайских властей: «Местные китайские власти первое время совершенно растерялись и с ужасом смотрели на все новые и новые толпы пришельцев и, не обладая никакой сколько-нибудь серьезной военной силой, не могли бы оказать противодействия каким-либо начинаниям русских» [Камский, 1923]. Города провинции действительно оказались под угрозой погрома, поскольку перешедшие сюда белогвардейские части, как и те, кто оказался на северо-востоке Китая, готовились к новому этапу борьбы с советской властью.

Ситуация в провинции оказалось настолько тяжелой, что китайские власти, не имея возможности справиться самостоятельно, все же согласились на ввод в Синьцзян частей Красной Армии для ликвидации остатков частей белых. В 1921–1922 г. было проведено две операции – Чугучакская и Шарасумэсская, в ходе которых были уничтожены остатки Белых армий, оперировавших на Урале и в Семиречье [Наземцева, 2010]. Однако в провинции остались гражданские беженцы, часть офицеров, а также киргизские и казахские беженцы восстания 1916 г. Но эти проблемы пришлось решать в течение 1920-х гг. Поэтому ситуация на данном участке советско-китайской границы в последующие двадцать лет осложнялась еще не раз.

Выводы

Революционные события в Российской империи и последующая за ними Гражданская война создали новую социальную и политическую ситуацию на границе с Китаем. Интенсивные миграционные потоки привели к серьезному миграционному кризису на всем протяжении российско-китайской границы. Ситуация усугублялась фактическим отсутствием государственной власти как в России, так и в Китае. Это серьезно осложнило международную и политическую обстановку на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Возникшие проблемы, связанные с положением русских беженцев и эмигрантов в начале 1920-х гг. в Китае, препятствовали стабилизации положения на огромной территории, налаживанию советско-китайских и советско-японских отношений.

⁴¹ РГВА. Ф. 1075. Оп.3. Д.193. Лл. 1; 13; 28; 30; 31; 54; 57, 59, 66-68; 94.

Список литературы

Аблажей Н. Н. С Востока на Восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 300 с.

Аблажей Н. Н., Наземцева Е. Н. Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 67–86. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-6.

Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). – Минск: БГУ. 1998. – 430 с.

Аурилене Е. Н. Российская диаспора в Китае. 1920-1950-е гг. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 268 с.

Бармин В. А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б. П. Гуревича. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 243–255.

Ганин А. В. Черногорец на русской службе. – М.: Русский путь, 2004. – 240 с.

Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. – М.: Изд-во МАДИ, 2004. – 186 с.

Голинков Д. Г. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М.: Политиздат, 1975. – 737 с.

Гудвин-Гилл Г. С. Статус беженца в международном праве. – М.: ЮНИТИ; Будапешт: Регион. представительство Упр. Верхов. комиссара ООН по делам беженцев в Рос. Федерации, 1997. – 647 с.

Еловский И. Голодный поход Оренбургской армии. – Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской Духовной Миссии, 1921. – 32 с.

Заика Л. М., Бобренев В. А. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1990. № 10. С. 66–72; 1991. № 3. С. 68–77; 1991. № 6. С. 77–84.

Залеская О. В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 гг.). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. – 156 с.

Казаков В. Г. Немые свидетели. – Шанхай: тип. А. П. Малык, 1936. – 120 с.

Камский. Русские белогвардейцы в Китае. – М.: Красная новь, 1923. – 66 с.

Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). – Барнаул: ОАО ИПП Алтай, 2010. – 270 с.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян: очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. – М.: Ин-т Востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 351 с.

Понькин Ю. Путь отца. Россия – Китай – Австралия. – Сидней: Австралиада, 1997. – 189 с.

Потапов В. И. Беженцы и международное право. – М.: Международные отношения, 1986. – 103 с.

Сабенникова И. В. Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе. 1926–1951 гг. // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле, О. В. Будницкого. – М., 2007. – С. 5–13.

Смирнов С. В. Дальневосточный тупик. – М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. – 790 с.

Смирнов С. В. Обращение генерала Михаила Дитерихса к русским беженцам (Гирин 1923) // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. №1. С. 242–250. С. 246. DOI: 10.15826/qr.2020.1.459.

Шалагинов В. К. Конец атамана Анненкова. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство. 1969. – 64 с.

Сведения об авторе:

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Контактная информация: e-mail: elenanazz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9232-0436; PИNC Author ID: 611206.

Статья поступила в редакцию 04.12.2020; принята в печать 10.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION CRISIS ON THE RUSSIAN-CHINESE BORDER IN THE EARLY 1917–1920s: REGIONAL ASPECT OF THE GLOBAL MIGRATION PROCESSES OF THE XX CENTURY

Elena N. Nazemtseva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: elenanazz@mail.ru

For citation: Elena N. Nazemtseva. Migration crisis on the Russian-Chinese border in the early 1917–1920s: regional aspect of the global migration processes of the XX century. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 96–112. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.8

Abstract. The publication analyzes the reasons and particular qualities of the migration crisis on the Russian-Chinese border in 1917–1922. This crisis was caused by the revolution and the Civil War in Russia. A huge mass of former subjects of the Russian Empire, who disagreed with the new system, were forced to leave their homeland and in the early 1920s formed one of the largest emigrant diasporas in the world in China. The bulk of the White Army's remnants the civilian population crossed the Russian-Chinese border in the Far East, forming Russian refugee camps in the Chinese border area. A significant number of Russians crossed the border in western China, in the region of Xinjiang province, where several refugee camps also emerged. The composition of Russian refugees has raised serious concerns in both the central and border authorities of China: the bulk of the refugees were well-armed experienced military men who had gone through not only the Russian Civil War, but also the First World War and refused to surrender their weapons, the Cossacks and their chieftains, peasants and merchants from the border regions who did not want to obey anyone, who needed help. A small part of the Russians who left for China were nobles and intellectuals, who settled mainly in Harbin and Shanghai. The peculiarity of the migration situation in the Far East, as well as on the Russian-Chinese border in Central Asia, was not only in the huge number of Russians who arrived in China, but also in the fact that a severe internal political crisis had been developing in China itself for several years. The Chinese authorities were unable to control the situation in the country, and Russian refugees aggravated the situation. In addition, the Chinese authorities did not want to aggravate relations with Soviet Russia, which repeatedly threatened to send troops to eliminate the remnants of the White Army, which had settled in the Chinese border area. This could seriously aggravate the political situation in the Far East and Central Asia. Therefore, the Chinese authorities actively took measures to regulate the flow of Russian refugees and prevent a possible crisis: they blocked the border with Russia in some areas, expelled refugees back, did not issue permits to cross the border, etc.

Keywords: Russia, China, border, revolution, Civil war, migration crisis, refugees, refugee camps, consulates.

References

- Ablazhey N. N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaya emigratsiya v Kitae* [From East to East from East to East: Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS Publishing House, 2007. 300 p. (In Russ.)
- Ablazhey N. N., Nazemtseva E. N. Russian Enclave in Chinese Altai in 1917: Results of Colonization of Russian-Chinese Borderland. *Historical Courier*. 2020. No. 4 (12). Pp. 67–86. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-6. (In Russ.)
- Ablova N. E. *Istoriya KVZhD i rossiiskoi emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [History of the Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China (the first half of the XX century)]. Minsk: BSU. 1998. 430 p. (In Russ.)
- Aurilene E. N. *Rossiiskaya diaspora v Kitae. 1920–1950-e gg.* [Russian Diaspora in China. 1920–1950s]. Khabarovsk: Private collection, 2008. 268 p. (In Russ.)
- Barmin V. A. *Vzaimootnosheniya rossiyskoy diplomaticheskoy missii i poddannyykh Rossii v Sin'tsyziane s belym dvizheniyem v 1919–1920 gg.* [The relationship of the Russian diplomatic mission and the subjects of Russia in Xinjiang with the white movement in 1919–1920s]. *Aktual'nyye problemy Tsentral'noy Azii i Kitaya: istoriya i sovremennost'* [Actual problems of Central Asia and China: history and modernity]. Collection of scientific articles in memory of B. P. Gurevich. Barnaul: Azbuka, 2006. Pp. 243–255. (In Russ.)
- Elovsky I. *Golodnyi pokhod Orenburgskoi armii* [The famine campaign of the Orenburg army]. Beijing: Printing House of the Assumption Monastery at the Russian Spiritual Mission, 1921. 32 p. (In Russ.)
- Ganin A. V. *Chernogorets na russkoi sluzhbe* [Montenegrin in Russian service]. Moscow: Russkiy put Publishing House, 2004. 240 p. (In Russ.)

Golinkov D. G. *Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR* [The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1975. 737 p. (In Russ.)

Goodwin-Gill G. S. *Status bezhentsa v mezhdunarodnom prave* [Refugee status in international law]. Moscow: UNITY; Budapest: Regional Office of the UN High Commissioner for Refugees in the Russian Federation, 1997. 647 p. (In Russ.)

Goverdovskaya L. F. *Obshchestvenno-politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae v 1917–1931 gg.* [Socio-political and cultural activity of the Russian emigration in China in 1917–1931]. Moscow: MADI Publishing House, 2004. 186 p. (In Russ.)

Kamsky. *Russkie belogvardeitsy v Kitae* [Russian Russian White Guards in China]. Moscow: Krasnaya nov', 1923. 66 p. (In Russ.)

Kazakov V. G. *Nemye svideteli* [Mute witnesses]. Shanghai: A. P. Malyk's Printing House, 1936. 120 p. (In Russ.)

Nazemtseva E. N. *Russkaya emigratsiya v Sin'tszyane (1920–1930-e gg.)*. [Russian emigration in Xinjiang (1920–1930s)]. Barnaul: JSC IPP Altai, 2010. 270 p. (In Russ.)

Podalko P. E. *Yaponiya v sud'bakh rossiyan: ocherki istorii tsarskoi diplomatii i rossiiskoi diaspor v Yaponii* [Japan in the Fate of the Russians: Essays on the History of Tsarist Diplomacy and the Russian Diaspora in Japan]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences: Kraft+, 2004. 351 p. (In Russ.)

Ponkin Yu. *Put' ottsa. Rossiya – Kitai – Avstraliya* [My father's way. Russia – China – Australia]. Sydney: Australiada, 1997. 189 p. (In Russ.)

Potapov V. I. *Bezhenstsy i mezhdunarodnoe pravo* [Refugees and international law]. Moscow: International Relations, 1986. 103 p. (In Russ.)

Sabennikova I. V. Formirovaniye printsipov mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya polozheniya bezhentsev v Yevrope 1926–1951 [Formation of the principles of international legal regulation of the situation of refugees in Europe. 1926–1951]. In: *Istoriya rossiyskogo zarubezh'ya. Emigratsiya iz SSSR–Rossii 1941–2001 gg.* [History of the Russian diaspora. Emigration from the USSR–Russia 1941–2001]. Ed. by Yu. A. Polyakov, G. Ya. Tarle, O. V. Budnitsky. Moscow, 2007. P. 5–13. (In Russ.)

Shalaginov V. K. *Konets atamana Annenkova* [The end of ataman Annenkov]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe Publishing House. 1969. 64 p. (In Russ.)

Smirnov S. V. *Dal'nevostochnyi tupik* [Far Eastern dead end]. LitRes: Samizdat, 2019. 790 p. (In Russ.)

Smirnov S. V. General Diterikh's address to Russian refugees (Girin, 1923). *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. No. 1. Pp. 242–250. DOI: 10.15826/qr.2020.1.459. (In Russ.)

Zaika L. M., Bobrenev V. A. Ataman Annenkov. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 1990. No. 10. Pp. 66–72; 1991. No. 3. Pp. 68–77; 1991. No. 6. Pp. 77–84. (In Russ.)

Zalesskaya O. V. *Rossiisko-kitaiskie prigranichnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke (1917–1924 gg.)* [Russian-Chinese border relations in the Far East (1917–1924)]. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2002. 156 p. (In Russ.)

Bio note:

Elena N. Nazemtseva, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: elenanazz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9232-0436; RSCI Author ID: 611206.

Received on 04.12.2020; accepted for publication on 10.02.2021.

The author has read and approved the final manuscript.